

В.А. А р т а м о н о в

ДЕРЖАВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И КНЯЖЕСТВА (ЦАРСТВА) ВСЕЯ РУСИ В XV – XVI в.

Действия государственной машины, нацеленной на централизм, военную оборону или экспансию и укрепление внутренних устоев (этатизм), можно определить как державность. Основными носителями державного (государственного) сознания, как правило, являются главы государств: самодержцы, императоры, короли, ханы, султаны, президенты. Государственное (державное) состояние духа бывает свойственно чиновному аппарату, военным сословиям, и оно может охватывать разные слои населения¹.

Удельная Русь, разгромленная мировой монгольской супердержавой в XIII в., и Московское княжество в XIV – первой половине XV в. не имели державной мощи. До середины XV столетия в русских княжествах была гордость за оборонительные походы в степь, за защиту родной земли, но господство ордынцев воспринималось законным в соответствии с правом силы, принятым в Средние века. Вместе с тем, начиная с князя Ивана Калиты, московские владетели приняли программу воссоздания Древней Руси. В 1380 г. Дмитрий Донской разбил темника (беклярибека) Мамай, но в 1382 г. чингизид Тохтамыш восстановил полный контроль над Московским княжеством. Завоеватель Тимур, сломив хребет Золотой Орды в 1395 г., положил начало высвобождению Крымского, Казанского, Астраханского, Узбекского, Казахского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. Освобождение Северо-Восточной Руси от преемницы Золотоордынской державы — Большой (Волжской) Орды (1433 – 1502) — состоялось позже всех. В 1408 г. по русским землям прокатилось кровавое нашествие Едигея, с 1425 г. четверть века длилась «московская распря». За объединение русских земель вокруг Вильно успешно боролся с Москвой великий князь литовский Витовт. В 1437 г. внук Тохтамыша хан Улу-Мухаммед разбил превосходящие русские силы под Белёвом, в 1445 г. казанцы устроили побоище ратям князя Василия II Васильевича (1415 – 1462).

Десятилетия поражений и раздоров показали, что без опоры на сильную державную власть добиться независимости невозможно. Централизованная великорусская держава с опорой на державные эмоции дворянской конницы с её военным кличем «Москва!» родилась во второй половине XV в. и набрала силу после присоединения обширных владений Новгорода и Твери. В XV в. подчинённость московских великих князей Большой Орде становилась всё более номинальной.

I. ARTICLES

Великий князь Иван III (1440–1505) получил ярлык на княжение от хана Большой Орды в 1462 г., но уже с 1472 г. Москва перестала платить дань. Историки не обращали внимания на державное и «идейное» отличие Московского и Крымского государств. Все обломки Золотой Орды стартовали с более выгодных исторических позиций, чем Москва.

Крымское ханство при Хаджи I Герае (ок. 1397–1466) и Менгли I Герае (1467, 1469–1475, 1478–1515) поначалу обладало преимуществом перед Княжеством Всея Руси (именно таким было самоназвание Московского государства). Крымские владетели, возводя свою родословную к хану Тохтамышу (1377–1395), цепко держались идеи, что они правители более высокого ранга, чем московские князья. В 1478 г. Менгли Герай не был возведён на престол в качестве вассала султана Мехмеда II (1432–1481), но своей силой захватил власть в Крыму². В грамотах Ивану III писалось: «Менглигиреево слово к великому князю Ивану, брату моему, много, много поклон». Дипломатический этикет Ивана III к «перекопскому царю» выдерживался в уничижительном стиле: «...князь великий челом бѣёт».

Не исчезало и превосходство аристократа-кочевника над земледельцем-пахарем. *«На исходе Средневековья... и на рубеже Леса и Степи в Евразии кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем. Революция воинов-киатриев, имевшая место в Евразии много тысяч лет назад, надолго оставила свой след в нравственном сознании народов в оценках героического и приземлённого, воодушевляющего и рутинного, вольного и подневольного. Кочевник-всадник был аристократом степи — как и средневековый рыцарь, постоянно готовый к походу и набегу. Русь, на протяжении двух с половиной веков испытывавшая на себе опыт ига и сбросившая его, вполне могла обрести свою идентичность в качестве ханской державы. Вместо этого она стала олицетворением земледельческой альтернативы кочевничеству и закрепила свою победу над ним в качестве всемирно-исторической (формационной)»³.*

При плодородных землях и богатом климате ресурсы Крымского ханства в XV в. были меньше, чем у Княжества Всея Руси, находившегося в суровых природно-климатических условиях. Ядром державного и военного потенциала Крыма, как и Золотой орды, были кочевья степной зоны, но «сфера претензий» крымцев в конце XV в. распространялась до Киева и верховьев Оки⁴. В отличие от земледельческого Княжества Всея Руси, где во второй половине XV и в XVI веков возводились крепостные и церковные постройки, заводился артиллерийский парк, в Ногайских степях и Крыму господствовало кочевое скотоводство. Ремесленное и оружейное производство оседлого населения в городах (греков, армян, татар), виноделие и хлебопашество было развито слабо, об осадном искусстве и заведении флота никто не думал (правда, морское побережье и все порты Крыма отошли к османам). Главный интерес ханов состоял почти исключительно в экспорте невольников, захваченных на Руси, в Великом княжестве Литовском и Черкессии⁵. «Наша земля войной живёт», — говорили ханы. Воинственность и мобильность крымской конницы позволяли совершать походы до Кракова, Москвы, Венгрии и Месопотамии. Меха, часть оружия и предметы роскоши приобретались за счёт «поминок» и «запросов» с Руси и Великого княжества Литовского.

Державность Москвы, изначально нацеленная на поглощение присоединяемых земель, обещала лучшие перспективы, чем «набеговая» специализация Крымского ханства. Но и при бедных ресурсах, чехарде ханов и примитивном вооружении Крым почти три века удерживал высокий политический вес в Восточной Европе. Сила ханства держалась главным образом на воинственности, выносливости и мобильности крымской конницы и, конечно, на работорговле. Соперничать же с чингизидской идеей крымских ханов не могла ни зарождавшаяся концепция «Третьего Рима» — единственного на Земле православного

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

государства после падения Константинополя в 1453 г., ни идея Святой Руси, призванной нести спасительный свет истинной веры человечеству⁶. «Народ татарский — великого корня. Первые дети Чингисхана, обладателя огромного могущества, поселились и нашли приют в Крыму», — писал Э. Челеби⁷.

Хан Менгли Герай в 1475 г. признал себя вассалом турок, но поддержка Стамбула и мусульманская солидарность не имели для Крыма решающего значения. Для османов ханство в конце XV — начале XVI в. скорее исполняло функции союзного государства. Части бывшего Улуса Джучи смертельно враждовали друг с другом, их правители не обладали масштабностью замыслов Батыея или Тохтамышша. «Потомок Чингисхана» в Большой Орде, хан Ахмат (ум. 1481), пытался восстановить прежнее величие Золотой Орды и взять контроль над русским «улусом», Крымом, Ногайской Ордой и Сибирским ханством, но сильной личностью он не был. Большая Орда терпела поражение от хана Хаджи Герая в 1455–1456 г.; в 1459 г. от неё отпала Астрахань, имевшая большое стратегическое и торговое значение. В 1464 г. Хаджи Герай впервые помог Ивану III, приостановив у Дона поход на Москву Большой Орды. В 1472–1473 г. начались переговоры Ивана III с Менгли Гераем против общих врагов⁸. Переговоры проводились на равных: государи в Москве и Крыму именовали друг друга «братьями». В 1476 г. Ахмат временно завоевал Крым, установил протекторат над Астраханским ханством, победил узбекского хана Шейх-Хайдера и стал «заклятым врагом» для «перекопского царя» и Москвы⁹. В том же году Ахмат вызывал Ивана III, прекратившего платить дань, явиться «при царском стремени».

В решающем 1480 г. состояние духа первого носителя русской державности — «любосоветного» (любящего советоваться) Ивана III и хана Ахмата отличалось осторожностью. Весной 1480 г. Иван III заключил оборонительно-наступательный военный союз с Крымом против Большой Орды и польского короля Казимира IV Ягеллончика (1427–1492). Решимости у Ахмата, в отличие от Тохтамышша и Едигея, не было. Рисковать он не собирался и повёл орду на запад, надеясь соединиться с литовцами. Но Казимиру в начале осени 1480 г. связал руки «царь крымский» Менгли Герай, который, «служа великому князю», «сел на конь» и «воева королёву землю Подольскую». Иван III не перешёл Угру против Ахмата, как Дмитрий Донской реку Дон. Великий князь не исключал вероятности захвата Ахматом Москвы и даже послал к «царю» Большой Орды с челобитьем дары, прося, чтобы тот не воевал своего «улуса»¹⁰. В тенденциозном «Послании на Угру» архиепископ Вассиан Ростовский обличил великого князя как «бегуна». Осуждать осмотрительность первого носителя русской державности нельзя: над ним висел призрак более чем двухвекового ордынского ига. «Стояние на Угре» окончилось победой Ивана III и в 80-е годы XV в. его спорадически именовали «царь Всея Руси».

1 сентября 1482 г. Менгли Герай сжёг Киев. С этого времени против союза Литвы и Большой Орды был сколочен блок Москва – Бахчисарай, удачно воевавший: Иван III в 1487–1494 г. против Казани и Литвы, крымский хан в 1486–1491 г. против «ахматовых детей». С 1487 г. вассалами Москвы стали казанские ханы. Сугубым «недругом» обоих союзников было Великое княжество Литовское. Амбиции Менгли Герая возросли после 1492 г., он предлагал разделить беззащитное со стороны юга Великое княжество Литовское: Киевщину присоединить к Крыму, а Виленщину и Краков к Москве¹¹. В 1495 г. союзное крымское войско воевало у Луцка, в 1497 г. у Мозыря на Припяти, в 1500 г. у Львова, Бреста и Люблина. Помощь крымского союзника помогла успешным русским войнам с Литвой в 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1514, 1517–1518 годах.

С конца XV в. оба правителя повысили свой авторитет. Менгли Герай именовал себя «великим царём татарским», а единственный в то время независимый православный

I. ARTICLES

владелец Иван III — «государём и самодержцем Всея Руси»¹². Однако даже в 1501 г. чингизиды Большой Орды, помня прошлое, пыгались утверждать верховенство над самодержцем «Всеа Руси и великим князем Владимирским, Московским, Псковским, Тверским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных», которого Ливонский орден, Дерптское епископство, Ганзейский союз величали кайзером. Создатель русского централизованного государства именовался ими Иваном Московским, «улусликом» и «холопом»¹³. Московско-крымский блок оказался сильнее союза Вильно и Волжской Орды. В 1501 г. Иван III посылал воевод к Рьльску против ордынцев хана Большой Орды Ших-Ахмада и претендовал на «литовские» Киев, Слуцк, Туров, Пинск. В 1498 и 1502 г., уже с «санкции Бога», а не ордынского хана, как это было в 1462 г., московский государь венчал на великое княжение сначала внука Дмитрия, потом сына Василия. Крымские же ханы в то время утверждались турецким султаном, а не божественным началом. Так чингизидская идея была перекрыта имперской концепцией Москвы о всемирной роли православного царства, восходящего не только к Древней Руси, но якобы и к основателю Римской империи Октавиану Августу («Сказание о князьях Владимирских»), оформленное в 40-х годах XVI в.).

Великое княжество Всея Руси превратилось в наследственную монархию. Централизация же в Крыму была не возможна из-за сопротивления феодальных кланов. Тюркское население Причерноморья состояло из двух этносов — крымских татар и ногайцев, которые только условно были на стороне крымских ханов. В начале июля 1502 г. между р. Самарой и Сулой¹⁴, имея пушки и пищали, «царь Менли Гирей Шиг-Ахметя царя прогонил и Орду его и улусы взял». Земли между Доном и Волгой перешли к нему. В 1503 г. Москва бурно прорвалась к югу — присоединила все Верховские княжества, Северщину, Рьльск, Курск, Путивль и Прилуки. Она «стала осознать важность геополитического единства Волжского пути... и становиться сильнейшим государством в бассейне Волги по экономическому, демографическому и военному потенциалу»¹⁵. «Казань, ногаи, Крым последовательно вовлекались в орбиту московской политики. Татарские князья с их уланами и казаками, поселённые на линии Оки, составляли как бы кордон, препятствовавший неожиданным прорывам на левый берег реки»¹⁶. По Осколу, Хопру и Медведице Княжество Всея Руси приблизилось к северным рубежам Крымского ханства.

Как только враждебный двум союзным государствам барьер Литвы и Большой Орды рухнул, тут же наметилось соперничество Бахчисарая с Москвой за Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Большую Ногайскую Орду.

В XVI в. Крым и Москва, срываясь после поражений и возносясь после побед, поднимались параллельно друг другу и соперничали за лидерство на пространстве западной части бывшей Золотой Орды.

«Великий царь татарский» Менгли Герай в известной мере занял место Ахмата, но не собирався оседать в Сарае-Берке. Вместе с тем державные претензии властителей Бахчисарая были немалыми, несмотря на ограниченность ресурсов и на то, что ханство было рассредоточенной монархией, управлявшейся ханами, членами их семей, татарскими и ногайскими феодалами. В Крыму закрепилось представление, что Казань и Астрахань будут крымскими юртами (даже в 1654 г. крымские ханы были уверены в том, что эти ханства удастся отвоевать)¹⁷. 2 июля 1507 г. Менгли Герай «великодушно» выдал польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I (1467–1548) ярлык на владение Киевом, Луцком, Каменцем, Смоленском и десятком русских городов: Псковом, Новгородом, Рязанью, Тулой и др.¹⁸. Всплывали и планы господства над Москвой.

В 1518 г. хан Мухаммед I «великий» (1515–1523) затребовал от «московского бая» Василия III (1505–1533) передать ему бывшие владения «великого царя» Тохтамышя.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Он намеревался воевать за Астрахань и Киев, планировал раздел Литовского княжества и считал, что в Казани должен сидеть представитель династии Гераев¹⁹.

Степное пограничье между Таврией и русскими землями в то время оставалось «распахнутым». Московские раги в случае нужды накапливались вдоль Оки, а крымско-ногайские (в количестве не более 60 тысяч) на 800 км южнее — в северном Приазовье. Хотя северная граница владений Крымского ханства вплоть до 1783 г. проходила по левому берегу Днепра, речке Конские Воды (левый приток Днепра чуть ниже порогов) и по степям Приазовья до верховьев рек Кальмиус и Миус и далее до низовьев Дона, но в «сфере претензий» ханов, как и прежде, держалось всё нейтральное, без оседлого населения и крымских стад «Поле» вплоть до Оки и Поволжья. Закреплять рубеж по Оке, на левом берегу которой была московская оборонительная линия, крымские ханы не собирались. Для удержания Среднерусской возвышенности у них не было сил. «Поле» само по себе считалось лучшей для них защитой.

В 1521 г. крымцы при содействии конников хана Сахиб Герая из Казани и джигитов Ногайской Орды разбили московские войска и чудовищно разорили центр страны. «Великий государь Василий, Божию милостью един правый государь Всеа Руси и иным многим землем восточным и северным государь», подписал грамоту быть «вечным данником» Крыма. От бесчестья случайно спас рязанский наместник И.В. Хабар-Симский, который хитростью овладел документом Василия III и сорвал попытку утвердить верховенство Крыма над Москвой.

В 1523 г. «окаянный» Мухаммед Герай присоединил к ханству Нижнее Поволжье с Астраханью. Однако Порта была против объединения татарских государств, которые могли бы противопоставить себя Стамбулу. На амбициозного хана Порта натравила ногайцев, которые разгромили в низовьях Волги крымское войско и убили Мухаммед Герая²⁰. В 1537 г., при слабости боярского правления в Москве, ногайцы потребовали фантастической дани — не только в размере ордынской (100 000 алтын), но и с добавкой 60 000 алтын²¹. Однако военного потенциала и последовательности у крымских ханов не хватало. Площадь Крымского полуострова составляла всего 25,5 тыс. кв. км, откуда могло выходить 30 тысяч всадников²². Население ханства вместе с ногайцами вряд ли превышало 0,5 млн. чел., а крымско-ногайское войско никогда не поднималось выше 60 тыс. чел. «Крым не стал объединителем, ни тем более центром прорастания новой кочевой империи». План крымского хана Сахиб I Герая (1532–1550) «пленить» всю Русскую землю в 1541 г., а великого князя «впрячь в соху и заставить сеять золу» не был реальным²³.

К середине XVI в. единое Русское государство поднялось к зениту. При венчании на царство Иван IV приравнял себя к государям так называемых великих держав²⁴. 120–150-тысячное русское дворянство²⁵ охватил наступательный державный порыв. В 1552 г. «свирепосердое» воинство отчаянным штурмом взяло Казань. Бросив часть обоза и артиллерии, из-под Тулы в 1552 г. отступил хан Девлет I Герай. В 1556 г., чувствуя нависшую с севера мощь, из Астрахани сбежали защитники и безлюдная крепостица с её примитивными камышовыми плетнями, засыпанными землёй, была занята без боя. Иван IV рассёк надвое степную зону. С середины XVI в. степную «зону господства» кочевников стали ужимать также расселявшиеся вдоль рек запорожские и донские казаки. Апогей государственного патриотизма держался вплоть до введения опричнины в 1565 г.

Приоритетными целями Османской империи XVI–XVII в. были Иран, потом Балканы и Центральная Европа, затем Средиземноморье и лишь в последнюю очередь — Восточная Европа, где были сосредоточены все интересы Крыма. Так «нейтралитет Османской империи... позволил Московскому государству выиграть спор с Крымом и захватить к середине 50-х годов XVI в. значительную территорию бывшей Золотой Орды»²⁶.

I. ARTICLES

Государь Иван Грозный стал источником величия России. Царство Всея Руси превратилось в регионального гегемона от Поднепровья до Урала, претендующего на власть над всеми осколками Золотой Орды. Оно переняло часть завета Чингисхана — объединение Северной Евразии. Вслед за тем был намечен масштабный поход Ивана IV на Крым, «который должен был завершиться "посажением" на ханский престол царевича Янтемира, сына астраханского вассала России Дервиш-Али»²⁷. Поход в 1556 г. не состоялся, так как Великое княжество Литовское не присоединилось к совместным действиям.

Действия русских отрядов с Днепра в 1556–1558 г., нападавших вплоть до крымского форта Исламкермена и Очакова, заставили перейти к обороне крымского хана Девлет I Герая (1550–1577), который перестал настаивать на выплате поминков (в Москве «откупные поминки» понимались как добровольное дарение и знак примирения, в Крыму же как подневольная дань).

В 1557 г. Москва стремилась установить полный контроль над Ногайской Ордой и заставить её воевать против крымцев²⁸.

С 1558 г. великодержавное Царство Всея Руси не боялось воевать одновременно против государств Северной, Восточной и Центральной Европы — Ливонского ордена, Великого княжества Литовского, Польши, Шведского и Датского королевств и Крымского ханства. Против Крыма Иван IV вёл «активную оборону» с трёх сторон: от Днепра, Дона и Тамани²⁹. Артиллерия, постоянные гарнизоны в пограничных крепостях и стрелецкая пехота были крупным преимуществом в сражениях с крымско-татарской конницей. Крымские татары «перестали рассматриваться как реальная военная сила»³⁰.

В 1559 г., узнав, что Иван Грозный находится в Москве, крымцы не стали нападать на Рязань, Тулу и Каширу и отвернули на юг. В том же году черкесы «били челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»³¹. Тогда же суда по Днепру должны были выйти в Чёрное море и оттуда атаковать крымские улусы, а суда с Дона выйти в Азовское море и атаковать Керчь. С верховья Дона собиралась двинуться за Оку главная армия во главе с царём. Однако переломным в наступлении на Крым 1559 год не стал. «Литовская магнатерия рассматривала Крымское ханство как возможного союзника... и потому не была заинтересована в его уничтожении»³². Поход за Оку был отменён, но в 1559–1560 г. в Крыму был «страх великий от государя с моря и с Поля».

Подвижные сторожа и станицы и Большая засечная черта, законченная к 1566 г. к югу от Угры и Оки, сдавили свободу набегов Крымского ханства. «Русское население медленно, но неуклонно проникало в недра татарской степи по лесистым берегам рек и речек»³³. Сфера контроля русского «боговенчанного» самодержца распространилась тогда на Восточную Европу от Балтики до Крыма и Кабарды, на Ногайскую Орду, на «русские» земли Великого княжества Литовского, на Поволжье и Зауралье.

С этого времени и рейды крымцев, и захват пленных можно понимать как способ военного отпора русскому продвижению на юг.

Претензии хана Девлет I Герая (1551–1577) тоже были немалыми — на степи Причерноморья и Прикаспия, «Поле» до Оки, на Поволжье от Казани до Астрахани и на Северный Кавказ.

«Дух великодержавия» в Царстве и войске грозного царя не исчезал, несмотря на разделение на Опричнину и Земщину, но Ливонская война заставила Москву в 1562 г. вернуться к миру с Крымом. В 1563 г. был составлен проект союза, причём Москва предлагала равноправные отношения, Бахчисарай же настаивал на выплате поминок, традиционно представляя их как дань. На Северном Кавказе конфронтация Москвы с Крымом обострилась в 1567 г. из-за постройки на р. Терек русского города. В том же году крымский хан

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

устроил поход на Черкессию. Девлет Герай был противником утверждения Османской империи в Нижнем Поволжье, и участие крымчан в Астраханском походе турок 1569 г. было почти подневольным³⁴.

Новый взлёт державной силы Крыма пришёлся на 1571 г. В рейде на Москву, возможно, участвовало 30–40 тыс. крымцев и 10–15 тыс. ногайцев³⁵. Пять полков дворянской конницы воеводы Большого полка И.Д. Бельского (возможно ок. 50 тысяч)³⁶ весной вышли к Оке, ожидая удара от Тулы. Но крымские войска с Муравского шляха свернули на запад, перешли по мелким бродам верховья Оки и быстро двинулись от Болхова прямо на «ядро державности» — Москву³⁷. Внезапность вызвала панику командования, захваченного врасплох. Царь Иван, который лишь 16 мая выехал из Александровской слободы, появился «на берегу» у Серпухова около 20 мая, но отказался возглавить войско и бежал в Ростов. 23 мая Бельский «выезжал против крымского царя и крымских людей за Москву-реку, за болото, на луг, и дело с ними делал, и приехал в город ранен»³⁸. Вместо того, чтобы защитить подступы к Москве, он загнал полки в улицы южного предместья. Не собираясь преследовать их, 24 мая татары с разных мест беспрепятственно подожгли деревянные постройки. Страшный пожар вызвал бурю и столица с 8 до 11 часов сгорела дотла. От огня погибло множество народа и ратников, «за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами и немногих других, которые искали спасения через стены в реку»³⁹. На своём подворье задохнулся и Бельский. 26 мая Девлет Герай откатился, чтобы опустошать окрестности Каширы и Рязани (ногайцы, не зная, что хан не планировал вести бои внутри города, упрекали его, что тот «не сел» на Москве)⁴⁰. Ивану IV был предъявлен ультиматум — отдать всё Поволжье от Казани до Астрахани. Русский царь согласился уплачивать «тыш» — эквивалент поголовной подати, состоящей из шуб и других подарков⁴¹, и признать домогательства на бывшее Астраханское ханство, но не на Казань⁴². Московскому самодержцу пришлось «бить челом» хану и соглашаться на создание полузависимого от России Астраханского ханства. Не перебежчики, которые подвели под Москву крымцев, не скорость набега, а пренебрежение разведкой и самоуверенность царя после победных кампаний в Поволжье, Прибалтике и Литве — вот основные причины губительного пожара в столице.

1571 г. не стал зенитом Крымского ханства. Несмотря на почти ежегодные татарские нападения и семь походов Девлет Герая на Русское государство — в 1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571 и 1572 годах⁴³, *вторая половина XVI в. была временем русско-крымского равновесия*. 10 ноября 1571 г. царь даже принял решение начать войну со Швецией.

Вопреки начавшейся разрухе и расправам над воеводами, русские воины не растеряли боевой дух. К весне 1572 г. по Оке собралось поначалу 20-тысячное «береговое войско», в Коломне состоялся смотр «государевым людям». Царская казна из предосторожности на 450 возах была вывезена в Великий Новгород⁴⁴.

Новый даровитый воевода М.И. Воротынский вывел всех ратников из Деделкина, Данкова, Орла, Елифани, Шацка и собрал на северном берегу Оки 50-тысячную рать. На реке собрали суда, чтобы мешать переправам врага. Сторожевые посты теперь были выдвинуты далеко на юг — к р. Осколу и Сейму. 27 июля 1572 г. 60-тысячное войско Девлет Герая⁴⁵ появилось у Тулы, но его уже ждали. Первые стычки со Сторожевым полком начались у Оки 27 июля. В сражениях 30 июля – 2 августа стрельба полевой артиллерией, «огненный бой», которого боялись крымцы, удар с тыла по врагу и вылазки из «гуляй-города» завершились крупной победой севернее Оки при Молодах.

«Царю Девлет Кирею» пришлось объяснять своё поражение «брату московскому князю» Ивану Васильевичу случайностью — «немногие наши люди с твоими людьми потравились», указывать, что города жгли не крымчане, а ногайцы и что громадная Русская земля

I. ARTICLES

не пострадает от уступки Казани и Астрахани⁴⁶. В 1574–1578 г. Крымское ханство сняло требование уступить «мусульманские юрты», и в 1578 г. в московско-крымских отношениях наступил перелом⁴⁷. К концу XVI в. могущество Царства Всея Руси превышало «Великий Крымский юрт». Население Московского княжества в начале XVI в. составляло 2–2,5 млн. чел., в середине столетия — 4–4,5 млн. чел.⁴⁸.

***

В Восточной Европе XV–XVI в. политический и военный вес Крымского ханства — сильного противника Польско-Литовского и Русского государств был высоким. Непрерывные рейды крымской конницы вглубь русских и украинских земель были крайне болезненны, но они не угрожали безопасности России в той мере, как агрессивный польско-литовский и позднейший шведский натиск. В 1591 г. произошёл последний крупный крымско-татарский прорыв в центр православного царства. После выдвижения огромных засечных черт в Поле и военной колонизации чернозёмных пространств, нападения крымцев вернее оценивать не как агрессию, а как отпор наступлению с севера. Подрыв сил страны в результате непрерывных войн привёл к катастрофе Смутного времени, но к середине XVII века мощь царства Российского была восстановлена. Рост военного потенциала России во время походов на юг в 1687/1689 г. придавил державное сознание крымцев. В веке XVIII соотношение сил между Российской империей и ханством, несмотря на поддержку его Османской империей, неуклонно менялось в пользу России.

¹ *Артамонов В.А.* Героика патриотизма : патриотизм и державное сознание русского народа X–XX вв. // Меншиковские чтения – 2014 : Научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 9–42.

О росте и угасании державности, мессионизма, «духовной энергии» и экспансионизма см.: *Шанталов Б.Н.* Феномен государственного лидерства : экспансия в мировой истории. М., 2008. 656 с.

² *Мыц В.Л.* Побег Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 9–11 сентября 2015 г. : тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2015. С. 18.

³ *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 11.

⁴ В то время ханы Крыма предъявляли права на дань и сюзеренитет над русскими княжествами в верховьях Оки и над Киевщиной (*Кром М.М.* Меж Русью и Литвой : западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 98, 80, 127).

⁵ В 1514–1654 г. в Кафе ежегодно продавалось 17000 рабов (*Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым : От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001. С. 211).

⁶ *Панарин А.С.* Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 59–61, 65.

⁷ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме : (1666–1667). Симферополь, 1999. С. 61.

⁸ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства : вторая половина XV века. М., 2001. С. 59, 95.

⁹ *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 84.

¹⁰ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 140 ; *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2006. С. 442.

¹¹ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 267.

¹² *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. С. 91, 98, 150, 153, 155.

¹³ Там же. С. 113, 156 ; *Назаров В.Д.* Государь Всея Руси. Два лика грозного царя : Россия в эпоху реформ и контрреформы середины XVI в. // История России с древнейших времён до конца XVII века. М., 1998. С. 326, 347.

¹⁴ *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 44 ; *Борисов Н.С.* Иван III. С. 454.

¹⁵ *Назаров В.Д.* Государь Всея Руси. С. 344.

¹⁶ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 185.

¹⁷ *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 176.

¹⁸ *Загоровский В.П.* История ... С. 47, 49, 50, 61.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- ¹⁹ «Область наша к нам тянет – Брянск, Стародуб, Почап, Новый Городок, Рылекск, Путивль, Карачев, Радогощ» (Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 183–185, 234).
- ²⁰ Греков И.Б. Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20–50-е годы XVI в. // Османская империя, Крым и страны Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы XV–XVI вв. : Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 158.
- ²¹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 59.
- ²² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65.
- ²³ Назаров В.Д. Государь Всеа Руси. С. 390, 410, 412.
- ²⁴ Греков И.Б. Турция, Крым ... С. 174.
- ²⁵ Назаров В.Д. Государь Всеа Руси. С. 390.
- ²⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 166–167, 169, 173.
- ²⁷ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVI в. М., 1979. С. 72, 75.
- ²⁸ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI в. М., 2007. Ч. 1. С. 108.
- ²⁹ Там же. С. 99–107.
- ³⁰ Там же. С. 112, 119.
- ³¹ Там же. С. 151, 154.
- ³² Флоря Б.Н. Проект антитурецкой ... С. 81.
- ³³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996. С. 299.
- ³⁴ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... М., 2007. Ч. 2. С. 25–26, 45, 74, 75.
- ³⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 424.
- ³⁶ Малов А.В. Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульманско-христианской зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. М., 2010. № 2. С. 198.
- ³⁷ Загоровский В.П. История ... С. 164–166.
- ³⁸ Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 272.
- ³⁹ Там же. С. 273.
- ⁴⁰ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 193, 199, 200, 204.
- ⁴¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 427–430.
- ⁴² Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех» : материалы о походе Девлет Гирея I на Москву в 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 204–205.
- ⁴³ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 112, 295.
- ⁴⁴ Зимин А.А. Опричнина. С. 280–281.
- ⁴⁵ Загоровский В.П. История ... С. 172–174.
- ⁴⁶ Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними ... С. 245, 250.
- ⁴⁷ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 223–224, 282.
- ⁴⁸ Хорошкевич А.Л. Россия в системе ... С. 60 (цит. по: Каиштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления : Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 112–115).